

АНАЛИТИКА ИСКУССТВА

DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.4.2-366-381

УДК 304.2

FASHION STUDIES КАК АВТОНОМНОЕ ПОЛЕ ДИСКУРСА: ДИСЦИПЛИНАРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Петренко Валерия Владимировна,

*кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры онтологии, теории познания,
социальной философии*

*Национального исследовательского
Томского государственного университета,
Россия, 634050, Томск, пр. Ленина, 36*

ORCID: 0000-0002-3243-0369

vptomsk@mail.ru

Аннотация

В статье ставится вопрос о дисциплинарном измерении исследований, попадающих в разряд fashion studies. Выявление специфики дисциплинарного статуса исследований моды способствует оформлению этой региональной аналитики в качестве полноценного теоретического дискурса и позволяет точнее определиться с фундирующим ее методологическим горизонтом. «Модное исследование» предстает в пересечении позитивистской и, позже, не-позитивистской логики представления – как аналитическое завоевание обособившихся в отдельные поля дискурса cultural studies, различных «философий субъекта» и социальной теории новейшего образца. Названы причины обращения гуманитарного и социогуманитарного познания к моде как выразительному паттерну современной социальности. Подробно проанализированы социокультурные основания интереса к fashion studies со стороны собственно философских, социально-философских и культурфилософских оптик. Это обстоятельство исключительно важно, поскольку социокультурное измерение естественным порядком встроено в горизонт исследовательского интереса, оно формирует наклонности познающего субъекта, оформляя эпистемологический предрассудок и предпонимание из горизонта актуальных жизнемиренных полаганий. Отдельно обсуждается вопрос о передефинировании и переструктурировании философского знания, теперь заинтересованного в проектах, напрямую связанных с повседневностью как аккумуляцией опыта практически-жизненного отношения к себе и к миру, что отличает моду как выразительную разновидность праксиса. Показано, что наблюдается отчетливая тенденция сдвига от привычного позитивистского – социологического в своей основе –

изучения моды как социального института в сторону феноменологического и философско-антропологического ее представления. Оно релевантно общеполитической постановке вопроса о субъекте и способах его конституирования. Это тот разворот возможностей, который современному взгляду на моду обеспечил новый методологический тренд. В философии Новейшего времени он категориально оформлен как перформативизация социальной и исторической эпистемологии. Логика такого представления уходит корнями в философию языка. В то же время значительное место в связи с fashion studies отведено собственно историческому контексту. Показано, что мода в формате пластически представленному праксису свидетельствует о смене господствующих парадигм, дающих представление о способах конституирования субъекта, что она указывает направление развития и артикулирует любые подвижки в формах организации субъективного опыта. В статье рассмотрены перспективы дальнейшего вхождения моды в предметную область современного социогуманитарного познания, по преимуществу ориентированного философски.

Ключевые слова: мода, fashion studies, «культурные исследования», дисциплинарный статус «модного исследования», модный субъект, субъективизация.

Библиографическое описание для цитирования:

Петренко В.В. Fashion studies как автономное поле дискурса: дисциплинарное измерение // Идеи и идеалы. – 2019. – Т. 11, № 4, ч. 2. – С. 366–381. – DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.4.2-366-381.

В своей лекции «Теория чего? Настоящее и будущее исследований моды», прочитанной во время последнего приезда в Москву, Валери Стил – теоретик моды, директор нью-йоркского Института технологии моды, основатель и многолетний главный редактор журнала «Fashion Theory: The Journal of Dress, Body & Culture» (США), автор знаковых работ по истории и философии костюма – поделилась с публикой любопытным наблюдением: еще недавно во французском языке попросту отсутствовало специальное обозначение для области «модных исследований» (хотя эмпирически именно Франция на протяжении столетий была законодательницей европейской моды, и в истории материальной культуры «французский след» представлен более чем убедительно).

По словам В. Стил, долгое время напряженными оставались отношения между fashion-журналистикой и кураторами модных выставок, которых невольно ассоциировали с набравшим силу академическим интересом к теоретическому представлению модной одежды (дело доходило до того, что изучение актуальной истории костюма могло получить официальное одобрение лишь с уходом из жизни его создателя – В. Стил приводит в пример смерть Дж. Версаче и А. Маккуина). Это было мотивировано тем, что размещение в музейном пространстве образцов бренда

ныне здравствующего дизайнера неэтично, так как способствует коммерческому успеху торговой марки. Думается, был и другой, скрытый мотив: такое положение дел указывало на типичное нежелание со стороны «практиков», разного рода инфлюэнсеров и «экспертов от моды» делиться символическим капиталом, рассматривая теоретическую экспансию в область модной истории как покушение на монополию в сфере «первичной интерпретации».

К настоящему моменту внимание к подобным сюжетам и подобным практикам уже носит характер долгосрочного предприятия – при том что существуют разные, конкурирующие между собой логики – в деле выявления специфики дисциплинарного статуса исследований моды. Поскольку мода – заметный факт общественной и культурной жизни, а теоретизирование по поводу культуры и социальности любого уровня преследует цель ясно обозначить как конфигурацию социального и исторического поля, так и общий методический исследовательский гештальт соответствующего типа тематизаций, следует поместить предмет означенного интереса в контекст как можно более масштабного захвата концептуализаций и обобщений. Хуже, когда «модный кейс» сгенерирован «по аналогии» с уже существующими, но, в сущности, случайным порядком, когда перед нами подборка *тем*, призванных охватить якобы всю возможную проблематику моды с претензией на то, что это сделано в полном объеме и со всех возможных горизонтов. Такая всеядность редко идет на пользу самому исследованию. (Справедливости ради следует отметить, что подобная участь была уготована и другим значимым регионам культурного и социального опыта, *постепенно* входившим в орбиту серьезных социально-теоретических и культурфилософских интроспекций: нечто подобное сопутствует гендерным, постколониальным, медийным и прочим исследовательским проектам, полноценность которых в качестве заслуживающих внимания *тем* потребовала значительного времени и сфокусированных усилий).

По всем признакам модным сюжетам было обеспечено широкое контекстуальное освещение. Показательно мнение тех, кто соприкасается с «практической стороной» модной индустрии. Так, упомянутая В. Стил в книге «Fetish: Fashion, Sex and Power» (1996) [10] (русский перевод: [6]) подробно останавливается на описании модного фетишизма в пересечении разных фокусов представления: политического, сексуального, собственно «потребительского» и т. д. Уже на подступах к выбранной теме она столкнулась со вполне ожидаемой ситуацией: «Существует огромное количество посвященной фетишизму литературы, написанной в самых разных жанрах и охватывающей самые разные точки зрения, каждая из которых имеет свою непростую историю» [6, с. 9]. Ей вторит Деян Суджич, дирек-

тор лондонского Музея дизайна, когда рассуждает о последнем в категориях не только истории культуры и эстетики, но и экономики, капитализации желания и даже морали (именно ему принадлежит мысль о том, что «...мода – самая развитая форма «встроенного» морального устаревания, которое, в свою очередь, является движущей силой изменений в сфере культуры» [7, с. 166]).

Причины обращения гуманитарного и социогуманитарного познания к моде как выразительному паттерну современной социальности отсылают к меняющейся на наших глазах картине социального мира. Социокультурное измерение естественным порядком встроено в горизонт исследовательского интереса, оно формирует наклонности познающего субъекта, оформляя эпистемологический предрассудок и предпонимание из горизонта актуальных жизнемировых полаганий. Современные общественные, экономические, политические и другие реалии связаны с непрекращающимся процессом институализации всё новых и новых сфер социального, со всё более широким их захватом со стороны такого способа организации человеческого общежития, который продемонстрировал модернистский проект – в первую очередь речь идет о признании общественного и индивидуального *разнообразия*, о смягчении аскриптивного нормативного порядка (это коснулось всех без исключения макро- и микросоциальных институций новейшего образца: от семьи, государства, системы образования и здравоохранения до спорта, подвергнувшегося радикальным трансформациям института наемного труда, досуга, моды и т. д.).

К числу *социокультурных* обстоятельств, способствовавших стремительному выдвижению *моды* на авансцену общественных ожиданий и включению ее в текущий социальный и теоретико-познавательный контекст, можно отнести:

1) во-первых, выделение публичной сферы в самостоятельное пространство и, соответственно, в самостоятельный ареал исследовательского интереса;

2) во-вторых, победу, которую одержала городская цивилизация и городской образ жизни над всеми прочими способами коммунитарного существования;

3) в-третьих, торжество и необратимость процессов глобализации, что находит выражение в унификации культурных стандартов, но уравновешено трендом на индивидуализацию в области этнических, гендерных, религиозных, профессиональных, возрастных и других различий;

4) огромную роль сыграло то обстоятельство, что мода века новых технологий «технически производится», а следовательно, НТП выводит на авансцену диалектику массового производства и массового потребления;

в этой связи следует упомянуть выделение консюмеризма в отдельную матрицу современной социальности;

5) к числу важных параметров «нового социального мира» мы относим внедрение и широкое развитие имиджмейкерских практик, нашедших свою законную нишу не только в набирающей обороты индустрии красоты и вечной молодости, но и в широко представленной публичной сфере – в политике, шоу- и медиабизнесе, досуговых индустриях, рекламе – в областях, напрямую связанных с коммуникативной составляющей современной модели цивилизационного устройства;

6) не следует забывать о сексуальной революции середины прошлого века, итогом которой стала кардинальная переконфигурация социального поля и последовавшее за ней переописание основных социально значимых позиций;

7) в этом же ключе работает еще одна характеристика современного типа общественного устройства: в горизонтальном срезе мы наблюдаем одновременное и демократически уравновешенное сосуществование разных комьюнити; это поверхностное натяжение образуют социальные группы и социальные движения, громко заявившие о себе сравнительно недавно (разновозрастная, гомо- и трансгендерная, разноконфессиональная, по-разному ориентированная эстетически и прочие составляющие);

8) было бы логично предположить, что в условиях усложнения и «ризомности» общественной структуры своеобразным априори современной социальности выступает *конкурентность* различных социальных *modus operandi* и последующая их кастомизация;

9) в этой связи интеркультурный (плюральный) характер современного социума – то, что теоретики именуют «дополненной реальностью» (*augmented reality*), – подталкивает исследователей к поиску оснований для новой «культуры согласия», на которую в первую очередь работают «гуманистически ориентированные» и «человекообразные» разновидности социального праксиса; в игру вступают заново актуализированные ценности толерантности и социальной справедливости: их артикуляция опирается на свежие экспертные позиции, предоставляемые новыми игроками в социальном поле (мода, спорт, досуг, индустрия удовольствий и т. п.);

10) как результат, мода перестает быть уделом одиночек либо отдельных сословий, озабоченных своим внешним видом и слепо перенимающих внешние образцы для подражания вследствие неспособности создать что-то самостоятельно; мода утверждается в правах потенциально значимой стратегии влияния; ее собственный социальный ресурс возрастает в разы, что находит отражение в интересе, проявленном к ней со стороны очень разных дискурсивных аналитик.

Важным *внутритеоретическим* обстоятельством включения *моды* в перечень актуальных теоретико-дискурсивных и собственно философских тем стало переструктурирование самого философского и социально-теоретического знания. Статус философии за последние полтора века существенно изменился: фактически исчезла масштабная эпистемологическая составляющая; онтология поменяла сферу своего приложения; в целом «логика идентичности и подобия (репрезентации) сменяется логикой отличия и означивания (коннотации)» [4, с. 20]. Тяжеловесный проект в формате философского и культурфилософского фундаментализма уступает место парадигмальной пестроте – современный дискурсивный ландшафт неровен, асимметричен и подчинен игре разнопорядковых структурных зависимостей. (Конечно, не всем по вкусу радикализм Алена Бадью, но он отражает общее настроение кризиса, царящего в философии: «...мы вынуждены признать, что философия пока еще не мыслила на высоте Пессоа... ни одна из современных философских систем не способна выдержать напряжения той особой линии мысли, которой следует Пессоа» [1, с. 44, 45]. А. Бадью пессимистически определяет задачу философии как «следование за поэзией» – в данном случае за поэтической гетеронимией, по его мнению, действительно способной избежать крайностей платонизма и антиплатонизма, которые раздирают философию сегодня. Пожалуй, единственное, что здесь внушает оптимизм, это отчетливый разворот в сторону эстетики, «чувственного переживания ситуации», к чему *мода* безусловно имеет прямое отношение).

Смена общей философской оптики, проблемы с самоопределением, размывание дисциплинарных рамок, пересмотр привычных методологических импликаций – всё вело к тому, что философия перестала воспринимать себя как единый интеллектуальный проект. Поскольку гипостазирование означаемого любого уровня и любой качественной определенности ушло в прошлое, в повестке оказался «*исторический*» аспект представления. В нашем случае это означает следующее:

1) во-первых, ситуация *постметафизики* обусловила деконструкцию основания, на котором покоился субъект классического общекультурного дискурса, и она же повлекла за собой эрозию сложившегося понятийно-категориального аппарата;

2) во-вторых, парадоксальным образом мы наблюдаем расширение области философии субъекта – через приращение типологий сознания и усиление влияния феноменологического и постфеноменологического горизонтов, через умножение разного рода *генеалогий субъекта* (перед нами субъект «языковой», «телесный», «играющий», «желающий», «наслаждающийся», «потребляющий», «кинематографический», «невротический», «*модный*» и т. д.);

3) в-третьих, «смерть социального вообще» (З. Бауман, Ж. Бодрийяр, М. де Серто), как в свое время «смерть Автора» и «смерть субъекта», вела к «обнулению» социального бытия и переконфигурации (переозначиванию) социальной реальности; она же обеспечила перенос акцента на социальные и культурные практики (категоризация этих понятий у П. Бурдье и Э. Гидденса фактически указала философии путь новой – *собственно социальной* – востребованности, в которой она так отчаянно нуждалась); теперь речь шла о проектах, напрямую связанных с повседневностью как аккумуляцией опыта практически-жизненного отношения к себе и к миру, что мы наблюдаем на примере *моды* как важной разновидности праксиса;

4) за всем этим последовал общий пересмотр философского словаря описания, ознаменовавшийся появлением понятий, ассоциативно отсылающих к политическому, социоэкономическому, культурологическому горизонтам, к социальному праксису, к «деланию» и «производству», способствующим всем формам социальной мобильности (введение в повсеместный философский обиход таких понятий, которые по прошествии определенного времени уже не кажутся ни экзотичными, ни чужеродными, как то: «вещь», «товар», «потребление», «навык», «тело», «взгляд», «спрос», «социальный знак», «социальное равенство» и «социальное неравенство», «социальный капитал», «социальный статус», «гендерная независимость», «глобализация», «успех», «риск», «консьюмеристское» и «антиконсьюмеристское настроение» etc.);

5) на этом фоне были заново проинтерпретированы такие понятийные конструкции, как «социальность», «власть», «идеология», «дискурс», «субъект», «субъективность» и «интерсубъективность», «темпоральность», «отчуждение», «сексуальность», «справедливость», «свобода», «желание», «аффект» и многие другие, потребовавшие внятной артикуляции и полигона для апробации в виде новых институциональных образований (*мода* как новая предметная область предоставила социальной философии и философии субъекта такую возможность);

6) в то же время во избежание социологического редукционизма карта концептуализаций была дополнена целым перечнем эвристических подходов, апплицированных на область «социального» и «субъективного», среди которых мы обнаружим разнообразные аналитики бессознательного, разворот в сторону тем, заданных *лингвистическим* и *иконическим* «поворотами», интерсубъективные аналитики «Другого», эстетики удовольствия и «заботы о себе» и т. д. («*модный субъект*» получал приращение за счет включения его в орбиту нового культурного и философского означивания).

Таким образом, кластер тематизаций, который к настоящему моменту размещен под общим брендом «Теории моды», требует поэтапной ис-

рархизации и строгой дискурсивной экспликации. Отчетливо наблюдается тенденция сдвига от привычного *позитивистского* – социологического в своей основе – изучения моды как социального института в сторону *феноменологического* и *философско-антропологического* ее представления, которое релевантно общефилософской постановке вопроса о субъекте и способах его конституирования.

Помещая событие модной истории в *детально* прописанную общекультурную повестку либо, напротив, в *максимально широкий* теоретико-дискурсивный контекст, мы придаем этому событию новый вес, сообщаем ему респектабельность за счет самого способа выстраивания значимых культурных сигнификаций, способствующих схватыванию социальных и культурно-исторических сущностей, к которым теперь может быть причислена мода. Это тот разворот возможностей, который современному взгляду на моду обеспечил новый методологический тренд. В философии Новейшего времени он категориально оформлен как *перформативизация* социальной и исторической эпистемологии (логика такого представления уходит корнями в философию языка: в теорию речевых актов Дж. Остина и Дж. Сёрла, продолжая интуицию Л. Витгенштейна о практическом предназначении «языковой игры», а также мысль Ж. Делёза об эффектах языкового означивания, состоящих в «схватывании чистого события» [2, с. 48]).

Собственно теоретико-социальные импликации концепта *перформативности* мы наблюдаем у П. Бурдьё (его тезис о «перформативной магии социального» как нельзя лучше демонстрирует институциональную значимость любого нового «воображаемого сообщества»), в «генеалогии» М. Фуко и позже – в реконструкции гендера у Дж. Батлер. Традиционный исторический и субстанциалистский нарратив, оперирующий универсальными сущностями, в философских аналитических проектах XX в. терпит фиаско. Ему на смену идут познавательные стратегии иного рода. В логике перформативности ни одна генерализирующая метафизическая конструкция не выдерживает проверку временем. Согласно прагматике любая общая идея конвенциональна. Это означает, что идея «культурно-исторической идентичности» как следования «*модному образу*» сама исторична и нуждается во всё новых и новых переинтерпретациях. В той же мере перформативен исторический субъект как таковой. Он – отражение композиционно подвижной системы исторических диспозиций и в этом смысле неотделим от отношений господства/ подчинения; наследования/ трансформации; нормальности/ аномальности и т. п. Кто определяет дискурсивные и институциональные «правила игры»? Кто формулирует актуальную социальную, политическую и культурно-историческую повестку, тем самым

семиотически оформляя публичную сферу, ответственную за складывание единого символического пространства сосуществования индивида и социума в идущих на смену традиционалистским установкам общества модерна и постмодерна? Выявление самих правил, делающих легитимным или нелегитимным историческое и социокультурное целеполагание, «порядок дискурса» в новых условиях, – это во многом вопрос теоретической рефлексии, ответственность за которую берет на себя профессионально ориентированное сообщество. В конечном счете это вопрос а) о «языковом опредмечивании» любого актуального социально-исторического действия и б) о субъекте, который призван его осуществить. Последнее должно быть понято в смысле усилия класса интеллектуалов по означиванию меняющейся иерархии общественных и культурно-исторических ожиданий и предпочтений. Другими словами, поддерживая вектор академического интереса, fashion studies участвуют в оформлении социального нормирования.

Кроме того, значительное место в связи с fashion studies отведено собственно историческому контексту. Но на примере моды и «модного исследования» мы обращаемся к истории в неожиданном ключе: привычный исторический и историографический горизонт смещен в сторону так называемой «истории духа», которая сама по себе выдержала множество редакций. Опираясь на философскую идею А. Бергсона, согласно которой историческое пространство и время взаимоконвертируемы, видный отечественный культуролог М. Ямпольский пишет: «Множество книг посвящено нарративизации истории, ее превращению в линейный хронологический рассказ... Гораздо меньше внимания уделялось превращению истории в изображение, картины (например, пейзаж), скульптуры (например, восковые портреты), артефакты, коллекции, руины, карты, мемориалы и прочее. Я называю такую историю “пространственной”. Ее возникновение укоренено в антропологию, а именно, в свойство человека опространствливать время» [8, с. 9].

Мода в этом ряду занимает вполне законное место: история визуально оформленных культурно-исторических практик, точно так же как и традиционная историография, дает представление о типовых способах жизнеосуществления, о формах опыта, характерных для экономического, политического, эстетического субъекта в меняющихся социокультурных и культурно-исторических обстоятельствах. На примере моды эта специфическая история говорит о времени и о субъективности не меньше, чем дословный пересказ мировоззренческих предпочтений той или иной эпохи. Своеобразный императив «большого исторического времени» отражен и запечатлен в формате пластически представленного праксиса, который аккумулирует не менее значимое символическое содержа-

ние, чем прямое идеологическое высказывание. Он точно так же свидетельствует о смене господствующих парадигм, дающих представление о способах конституирования субъекта, указывая направление развития и артикулируя любые подвижки в формах организации субъективного опыта.

В таком виде fashion studies сразу попадают в повестку исследовательских, аналитических и теоретико-познавательных программ, объединенных *трендом* (показательный каламбур) на «культурные исследования», при том что само понятие cultural studies претерпело изменения. Исторически терминология «культурных исследований» восходит к «левому», марксистскому крылу Бирмингемской школы, позаимствовавшей концепт «культурных индустрий» у Т. Адорно, и, соответственно, к заявленной ею *методологии дискурс-анализа* (гораздо раньше и неслучайно М. Фуко уже называл свои философские аналитики «дискурс-анализом»). В отличие от классического марксизма новая исследовательская парадигма отказалась от теоретического описания «базисных» компонентов социальности и сосредоточила усилия на политической и идеологической «надстройке».

Возникнув как отклик на «подрыв субъектной парадигмы», исследовательская стратегия Бирмингемской школы в лице таких ее представителей, как Р. Хогарт, С. Холл, П. Уиллис, Дж. Гилберт, Дж. Льюис, Дж. Фиск и другие, обозначила перспективу реорганизации изучения культуры в ситуации, когда прежние культурные иерархии были сметены, а надежда на революционное, в первую очередь экономическое, преобразование капиталистической цивилизационной формы таяла на глазах. На передний план выдвинулось понятие дискурса культуры, и в игру вступили разнообразные методики его дезавуации. Как следствие, сфера повседневного опыта и повседневной организации жизни была реабилитирована в той степени, что создала предпосылки для «наделения субъекта субъектностью» в какой-то новой, непривычной перспективе. В целом разделяя дерридианский и – шире – постмодернистский тезис о субъекте как бесконечной игре различий, дискурс-анализ предложил собственную логику его «сборки» в условиях насильственного складывания идентичностей.

Когда-то назвав метод «социальным и политическим оружием» [5, с. 10], Ж.-П. Сартр предвосхитил вектор движения дискурс-анализа. Действительно, фиксированность сигнификаций посредством политической и идеологической ангажированности утверждала господство *политического* аспекта над всеми остальными. В свою очередь, синхронический ракурс представления, превалировавший в классической теории и философии культуры, уступил место диахронии как универсальному способу видения и схватывания «плавающего означаемого». Заявленная гегемония «исто-

рии» и «генеалогии» позволили cultural studies без труда встроиться в общую логику отслеживания диалектики дезинтеграции и последующей интеграции субъекта. Она уже утвердилась на таких разных площадках, как постфеноменологические аналитики субъекта; общая семиотическая парадигма с ответвлениями в сторону структуралистской (примером может служить семиология Р. Барта) и постструктуралистской методологических схем воспроизведения «порядка субъективного»; разного рода продолжения неомарксистской критики новейшего образца культуры и социальности (в частности, учение о гегемонии А. Грамши); классический и в особенности структурный психоанализ; культурная антропология и т. д.

Новые эвристические модели культурной аналитики, заявившие о себе в рамках общей программы «культурных исследований», проявили интерес к таким паттернам культуры, которые способствуют «*позитивной субъекции*», отстаивая саму ее возможность в условиях засилья идеологического кода и доксического принуждения. В фокус рассмотрения попадают участники любого политического конфликта «в культурной форме» – от разного рода патриархальных сообществ, подвергшихся атакам со стороны победившего модерниста, до молодежных контр- и субкультурных движений, для которых «порядок модернистского дискурса» уже недостаточно радикален. Эта пестрая повестка сформирована за счет интереса к таким практикам и способам присвоения идентичности, которые несколькими десятилетиями ранее либо вовсе ускользали от исследовательского взгляда, либо представлялись академическому сообществу несерьезными и бесперспективными. Речь идет о целом кластере аналитик: феминистская и постфеминистская критика, включая теорию гендера; так называемые «колониальные» и «постколониальные» исследования; критика визуальных медиа; разного рода политики сопротивления – антиглобалистские, расовые, национальные, *модные* – то есть анализ вообще всей сферы повседневного опыта, которая участвует в деле производства субъекта повседневности.

Cultural studies исходят из того, что всякое культурное означивание – это в полной мере относится к *модe* – несет с собой символическое подчинение. Происходит оно за счет насильственного формирования «аподиктического жизнемирного императива», обслуживающего интересы примордиальной сферы. В случае с модой ситуация представляется особенно наглядной: «Это носят (читают, смотрят etc.) все». Перед нами то, что С. Холл в своей программной работе «Кодирование/ декодирование» видит как навязывание принудительного идеологического порядка – доминирующей политической гегемонии и безальтернативной коммуникации на основе «закрытого значения», к чему в конечном итоге стремится любой дискурс. По справедливому замечанию отечественного исследова-

дователя в области коммуникативной теории и коммуникативных технологий Е.Г. Дьяковой, описывая вслед за С. Холлом процесс кодирования как процесс приостановки и «закрытия значения», мы оцениваем его как своеобразную «натурализацию»: «Закрытие обеспечивает натурализацию и абсолютизацию моноакцентных идеологических конструкций, в результате чего они превращаются в нормы здравого смысла и становятся предпосылкой любого мыслительного акта. <...> Однако этот жестко структурированный, асимметричный и неэквивалентный по отношению к массам культурный порядок всё-таки не является всеобъемлющим. Его гегемония – это гегемония в граммшианском понимании этого термина, то есть постоянно оспариваемое и нуждающееся в постоянном закреплении господство» [3, с. 215]. Иначе говоря, закрепляющийся в жизнемирном смысловом поле предрассудок всё же имеет тенденцию к распатыванию. В этих целях С. Холл вводит концепт «семантической герильи», которая осуществляется посредством *де-кодирования* [9].

Применительно к fashion studies – в формате декодирования – «позитивная субъекция» может быть осуществлена двумя прямо противоположными способами. В случае *моды*: 1) во-первых, путем некритического усвоения «модного образца», что означает полное принятие господствующего «модного дискурса» как синопсиса дисциплинарных значений соответствующего (институционального) социального порядка и 2) во-вторых, посредством создания собственного оппозиционного «модного кода», демонстрирующего подрывное значение в отношении «дискурса-гегемона», – та самая «*семантическая герилья*» (когда мода становится предметом дезавуации, деконструкции, прямой насмешки либо, как в случае с дендистской стратегией самопозиционирования, предметом иронического переосмысления). Подтверждением тому, что речь идет об успешно осуществленной субъективации, служит факт, что в обоих случаях дешифровка модного знака сопровождается специфическим аффектом. Это чувство удовольствия, дарованное субъекту двояким образом: либо а) для него привлекательно осознание причастности к желанной референтной группе (он разделяет ее ценностные установки и оказывается, пользуясь терминологией cultural studies, идеально сгенерированным *идеологическим субъектом*, не помышляющим о выходе за пределы «дискурса господства»), либо б) практикуя социальную и философскую критику «слева», он позиционирует себя как субъекта предельно индивидуализированного высказывания – такого речевого действия, в котором сконцентрировано максимальное противостояние любому давлению извне (такой субъект выбирает подчеркнута эгологизированную траекторию самоосуществления, нарушающую границы предложенных культурных паттернов).

Таким образом, в своем дисциплинарном измерении fashion studies предстают в пересечении позитивистской и не-позитивистской логики: как дискурсивное завоевание традиционного исторического и социологического подхода, горизонта «культурных исследований», феноменологически, структуралистски, постструктуралистски и психоаналитически ориентированной философии субъекта и социальной теории новейшего образца. Это получает продолжение в приращении языка описания, в экспликации новых понятий, как то: «модное сознание», «модная субъективность», «модный габитус», «модная идентичность», «язык моды», «модный знак», «модное высказывание», «модная репрезентация», «модное означающее», «модная мифологема», «модная идеологема» etc.).

В результате *мода* становится объектом приложения расфокусированного теоретико-познавательного интереса, полигоном для апробации идей, зачастую не состоящих ни в какой взаимодополнительности. В своем обзоре мы намеренно обошли такие законные в отношении моды курсы, как *собственно исторический, строго социологический, культурологический* и сосредоточились на *философской* составляющей возможной рецепции моды. Но даже в этом виде перед нами слишком пестрый перечень полаганий, демонстрирующий концептуальный и методологический разнобой, часто – принципиальное нежелание свести воедино все возможные горизонты репрезентаций «моды» и «модного субъекта».

Главным оказалось то обстоятельство, что с точки зрения философии *мода* как значимая форма социального позиционирования обладает мощным потенциалом для конституирования предельных *различий*, лежащих в основании любой – как «социальной», так и «субъективной» – онтологии; для обнаружения и схватывания фундаментальных дихотомий, обеспечивающих фактичность историческому *общественному* и *индивидуальному* субъекту. Как показывает опыт философских репрезентаций моды, горизонты «производительности» действующих социокультурных бинарных оппозиций могут быть уточнены и расширены, а также могут получить приращение за счет *подключения* локации в виде fashion studies.

Литература

1. Бадью А. Малое руководство по инэстетике / пер. с фр. Д. Ардамацкой, А. Магуна. – СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2014. – 156 с. – (Эстетика и политика; вып. 3).
2. Делез Ж. Логика смысла / пер. с фр. Я.И. Свирского. – М.: Академический проект, 2011. – 472 с.
3. Дьякова Е.Г. К вопросу о декодировании доминантного культурного кода: «семантическая герилья» в пространстве Рунета // Научный ежегодник Института

философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2007. – № 7. – С. 215–223.

4. *Зенкина С.Н.* Жан Бодрийяр: время симулякров // Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / пер. с фр. и вступ. ст. С.Н. Зенкина. – М.: Добросвет, 2000. – С. 5–40.

5. *Сартр Ж.-П.* Проблемы метода: статьи / пер. с фр. В.П. Гайдамака. – М.: Академический проект, 2008. – 222 с. – (Философские технологии).

6. *Стил В.* Фетиш: мода, секс и власть / пер. с англ. Е. Демидовой. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 224 с.: ил. (Библиотека журнала «Теория моды»).

7. *Суджич Д.* Язык вещей. – 2-е изд. – М.: Strelka Press, 2015. – 232 с.

8. *Ямпольский М.Б.* Пространственная история. Три текста об истории. – СПб.: Сеанс, 2013. – 344 с.

9. *Hall S.* Encoding/Decoding // Media and Cultural Studies. Key Works. – London: Blackwell Publishers, 2001.

10. *Steele V.* Fetish: Fashion, Sex and Power. – New York; Oxford: Oxford University Press, 1996. – 210 p.

Статья поступила в редакцию 11.04.2019.

Статья прошла рецензирование 11.05.2019.

FASHION STUDIES AS AUTONOMOUS FIELD OF DISCOURSE: DISCIPLINARY SURVEY

Petrenko Valeriya,

Cand. of Sc. (Philosophy),

Associate Professor at the Philosophy Department,

Tomsk State University,

36 Lenin Ave., Tomsk, 634050, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-3243-0369

vptomsk@mail.ru

Abstract

The article raises the question of a disciplinary survey of *fashion studies*. The description of the specifics of the disciplinary status of *fashion studies* contributes to the design of this regional analytics as a full-fledged theoretical discourse. It allows you to more accurately determine *fashion studies*, which appears at the intersection of the positivistic and, later, non-positivistic presentation logic. It acts as an analytical conquest of *cultural studies*, various “philosophies of the subject” and a social theory of the newest type that have become isolated in separate fields of discourse. The author names the reasons for the appeal of humanitarian cognition to fashion as an expressive pattern of modern sociality. The article analyzes in detail the sociocultural basis of interest in *fashion studies* under the actual cultural-philosophical aspects. This circumstance is extremely important because the sociocultural dimension is naturally built into the horizon of research interest. It forms the tendencies of the cognitive subject, shaping the epistemological prejudice and pre-understanding from the horizon of actual life-world attitudes. The questions of the redefinition and restructuring of philosophical knowledge are discussed separately. Philosophical knowledge is interested in projects that are directly related to everyday life as the accumulation of human practice. This is practically a vital relation to oneself and to the world. We see this in terms of fashion as an important form of praxis. It is shown that there is a clear tendency to shift from the usual positivistic – sociological in its basis – the study of fashion as a social institution to its phenomenological and philosophical - anthropological presentation of it. It is relevant to the general philosophical formulation of the question of the subject and the ways of its constitution. This is a turnaround of opportunities that has been provided by the modern view of fashion on the new methodological trend. In modern philosophy, it is categorically designed as the performatization of social and historical epistemology. The logic of this view is rooted in the philosophy of the language. At the same time, a significant place in connection with *fashion studies* is given to the historical context proper. It is shown that fashion in the format of a plastically represented praxis indicates a change in the prevailing paradigms that give an idea of the way the subject is constituted. Dynamics of fashion indicates the direction of development and articulates any progress in the forms of organization of subjective experience. The article discusses the prospects for the further entry of fashion in the

subject area of modern socio-humanitarian knowledge, oriented, mainly, in a philosophical way.

Keywords: fashion, fashion studies, cultural studies, disciplinary status of fashion studies, fashion subject, subjectification.

Bibliographic description for citation:

Petrenko V. Fashion Studies as Autonomous Field of Discourse: Disciplinary Survey. *Idei i idealy – Ideas and Ideals*, 2019, vol. 11, iss. 4, pt. 2, pp. 366–381. DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.4.2-366-381.

References

1. Badiou A. *Petit Manuel d'Inestetique*. Paris, Editions du Seule, 1998 (Russ. ed.: Bad'yu A. *Maloe rukovodstvo po inestetike*. St. Petersburg, European University Publ., 2014. 156 p.).
2. Deleuze G. *La logique du Sens*. Paris, Les editions de Minuit, 1969 (Russ. ed.: Delez Zh. *Logika smysla*. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2011. 472 p.).
3. D'yakova E.G. K voprosu o dekodirovanii dominantnogo kul'turnogo koda: "semanticheskaya geril'ya" v prostranstve Runeta [Towards the question about the decoding of the dominant cultural code: "semantic gerilia" in space of Ru.net]. *Nauchnyi ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk – Research Yearbook, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*, 2007, no. 7, pp. 215–223.
4. Zenkin S.N. Zhan Bodriyar: vremya simulyakrov [J. Baudrillard: the Time of Simulacra]. Baudrillard J. *Simvolicheskii obmen i smert'* [Baudrillard J. L'exchange Symbolique et la Mort]. Moscow, Dobrosvet Publ., 2000, pp. 5–40. (In Russian).
5. Sartre J.-P. *Questions de Method*. Paris, Gallimard, 1974 (Russ. ed.: Sartr Zh.-P. *Problemy metoda*. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2008. 222 p.).
6. Steele V. *Fetish: Fashion, Sex and Power*. New York, Oxford, Oxford University Press, 1996. 210 p. (Russ. ed.: Stil V. *Fetish: moda, seks i vlast'*. Moscow, NLO Publ., 2014. 224 p.).
7. Sudjic D. *The Language of Things*. London, Penguin Books Ltd, 2008 (Russ. ed.: Sudzhich D. *Yazyk veshchei*. 2nd ed. Moscow, Strelka Press Publ., 2015. 232 p.).
8. Yampol'skii M.B. *Prostranstvennaya istoriya. Tri teksta ob istorii* [The Spatial History. Three Texts about History]. St. Petersburg, Seans Publ., 2013. 344 p.
9. Hall S. Encoding/Decoding. *Media and Cultural Studies. Key Works*. London, Blackwell Publishers, 2001.
10. Steele V. *Fetish: Fashion, Sex and Power*. New York, Oxford, Oxford University Press, 1996. 210 p.

The article was received on 11.04.2019.

The article was reviewed on 11.05.2019.